

ПРОФИЛЬ АРТИСТА

ЖИЗНЬ,
ОТДАННАЯ
ИСКУССТВУ

В МОНГОЛИИ нет человека, который бы не знал Эрдэни-Бато Оюн. Народная артистка МНР, лауреат Государственной премии, кандидат искусствоведческих наук, депутат Великого народного хурала, член президиума Комитета монгольских женщин... И каждое из почетных званий — целая история, рассказывающая о пути новой интеллигенции республики.

...Сорок пять лет назад зародилась культура новой Монголии, вступившей вслед за Советской Россией на путь революции. В стране не было ни светских школ, ни книг на родном языке (ламаизм насаждал тибетский). Из агитационных групп революционеров и из студии, созданной при помощи советских педагогов, родился первый театр республики. Ему суждено было стать настоящим штабом культурной революции Монголии.

Сюда пришла и молоденькая Оюн, закончившая к тому времени рабфак в Улан-Удэ. В ее семье (отец был учителем, мать — счетоводом) большое значение придавали изучению русского языка: маленькая Оюн ходила после школы на частные уроки. И вот ей, семнадцатилетней, только что пришедшей в первый монгольский театр, поручили перевести... «Ревизора» Гоголя. Это был ее первый художественный перевод.

С тех пор прошло более тридцати лет. Трудно перечислить все, что перевела Оюн за это время. Особое значение имеют «Работа актера над собой» и «Моя жизнь в искусстве» К. Станиславского, если учесть, что никаких пособий практических и теоретических у монгольских артистов до этого вообще не было. В годы второй мировой войны Оюн переводит для своего театра несколько советских пьес, в том числе «Жди меня» и «Русский вопрос» К. Симонова. Из ее переводов последних лет можно отметить «Иркутскую историю» Арбузова и «Короля Лира» Шекспира.

Работая переводчицей у «театрального инструктора» В. Борейшо, Оюн изучала законы театральной сцены. Среди спектаклей, поставленных советским режиссером, были «Овечий источник» Лопе де Вега и «Слуга двух господ» Гольдони. Оюн переводила везде: и литературный текст, и на репетициях на сцене. Она буквально пропадала в театре.

— В вас, Оюнчик, много огонька! — говорил Борейшо своей любознательной и неутомимой переводчице. Вскоре он сделал ее помрежем. И не ошибся. Не прошло и двух лет, как ей доверили самостоятельную постановку.

— Первая моя работа, — вспоминает Оюн, — была «Молодая мать Замбаг» — монгольская пьеса о борьбе аратов за свои права. Как только смелости хватило?.. Но потом ничего, поставила спектаклей десять. Среди них «Кремлевские куранты»...

КАЖДОЙ постановке предшествовала огромная работа, прежде всего над книгами. Оюн изучала не только творчество драматурга, но и национальное искусство его страны. Скажем, искусство Чехии, когда работала над «Волынщиком из Стракониц» Тыла. Немало «америк» открывалось заново, издержки производства были огромны: ведь специального образования у Оюн не было. Но жизнь так складывалась, что поехать в Москву учиться на режиссерский факультет она не могла. В 1942 году ее назначают художественным руководителем Государственного музыкально-драматического театра.

Худрук крупнейшего театра — женщина, это впервые в истории Монголии! И она доказала право женщины на любой пост. Ее работу неизменно отличали талант и энергия, удивительная способность зажать всех, с кем она работала. Приходилась и собственная музыкальность: приятный голос, умение играть на национальных инструментах.

— Пробовала играть на сцене сама, — словно оправдываясь, говорит Оюн, — чтобы узнать, что чувствует артист на сцене, что на деле означает «внутреннее зрение», как и что можно требовать от других...

Монголы весьма сдержанны в проявлении чувств. Но, рассказывая о своей работе, Оюн не стыдится своей страсти к самому главному, святому в ее жизни — к театру, к творчеству.

Подвижность в театре обогатилась большим опытом. Работоспособности и упорству Оюн можно позавидовать. В 1957 году она, уже известная писательница, автор многих рассказов и пьес, кончает заочно монгольское отделение филологического факультета Государственного университета. Потом едет в Москву в аспирантуру ГИТИСа. Здесь она защищает диссертацию на тему «Народ-

ные истоки театрального искусства Монголии».

И вновь — она первая в МНР женщина, ставшая кандидатом искусствоведческих наук, ученым-театроведом.

Ее диссертация сродни подвигу. Даже подступиться к теме будущей диссертации было страшно. Никто никогда по-настоящему не занимался этой проблемой. Архивных материалов нет. В литературе о старой Монголии, созданной зарубежными учеными, Оюн ничего не нашла о театральном искусстве. Не может быть, чтобы монгольский народ за всю историю своего развития не знал своих, пусть примитивных форм зрелищ... Изучая своды законов манчжурских правителей, она нашла в одном из томов специальный раздел «О запрещении игры лицедеев». Значит, они были, если их запрещали!.. В поисках фактического материала она ездит по худонам, собирает факты по крупицам, записывает рассказы глубоких стариков, помнивших семейные предания. Так начиналась эта научная работа, имеющая принципиальное значение для монгольского искусствоведения.

Как-то Максим Горький, отвечая на просьбу интеллигенции МНР дать совет, что из европейской литературы переводить на монгольский язык, писал: «Насколько я могу судить о душе монгола по книгам, прочитанным мною о Монголии, я думаю, что наиболее полезна была бы вашему народу проповедь принципа активности». Жизнь и творчество Э. Оюн — образец высокого горения, активности, которые открыла в монголах народная революция.

ПОЭТИЧНЫМИ именами называют детей в Монголии. Туя — звезда, Солонго — радуга, Цэцэг — цветок. Оюн — разум, ум. Красивое имя дали родители Оюн, оно очень подходит ей. Она с благодарностью вспоминает всех, у кого чему-нибудь научилась. Среди своих учителей называет советских театральных работников тридцатых-сороковых годов: Борейшо, Рабиновича, Уварову, преподавателей ГИТИСа... Она творчески осваивает все, что узнает. Поэтому Оюн всегда на переднем крае борьбы за социалистическую культуру Монголии. Самые трудные поручения она выполняет легко, с улыбкой, ибо она — счастливый человек, нашедший свое место в жизни, нужный людям. Член МНРП, она работает с молодым задором всюду, куда ее посылала партия.

Когда разделили Государственный театр на два — оперный и драматический, Оюн — вновь художественный руководитель драматического театра. И снова она подымается из пустого зала на сцену и, сжав кулачки, что-то втолковывает молоденькой актрисе, испортившей мизансцену. И снова склоняется над исписанным пометками текстом пьесы, принятой к постановке. И снова проводит семинар за семинаром, репетицию за репетицией, готовя труппу к новому спектаклю, к высокому служению искусству.

— Театр дал мне жизнь, — часто повторяет Оюн. И она щедро отдает ее своему народу.

Инна ЛОМАКИНА,
искусствовед.

УЛАН-БАТОР — ЛЕНИНГРАД.